

О.Р. Чепьюк

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. Предметом исследования является популярный в социальной философии, критический концепт "отчуждения". В гегелевской традиции он рассматривался как часть диалектического механизма, который способствует переходу к новой организации общества. В XX в. концепция "отчуждения" претерпела изменения, выйдя за пределы политэкономии и приобретя гуманистическую трактовку через её преодоление. Автор предлагает вновь переосмыслить феномен "отчуждения", который приобрёл нематериальные, субъективистские элементы. Это даёт основания говорить о нём как о символе отношений, а не как реальном механизме. В исследовании соблюдается баланс между традиционной диалектикой и методами современной науки о самоорганизации. Автор прибегает к понятию "энтропии социальных процессов", иллюстрирует научное повествование различными статистическими примерами. Новизна исследования заключается в рассмотрении вопроса "отчуждения" в контексте науки о самоорганизации. Тогда его можно трактовать как отклонение до того самого критического состояния, в котором поведение экономической системы становится неустойчивым и под воздействием некоторых случайных факторов может радикально измениться. В этом смысле предсказание диалектики о влиянии "отчуждения" на ход социальной истории может и не сбыться, если система перейдёт в состояние хаоса, а само "отчуждение" станет не механизмом, а лишь символом конкретного этапа исторического развития общества.

Ключевые слова: отчуждение, энтропия, социальная философия, экономический кризис, социальное безразличие, труд, самоорганизация, синергетика, креативная экономика, качество.

Abstract. The subject of research is a critical concept of "alienation", which was popular in social philosophy. In the rame of the Hegelian tradition it was regarded as a part of the dialectical mechanism that should facilitate the transition to a new organization of society. In XX century the concept of "alienation" has evolved, going beyond political economy and purchasing a humanistic interpretation. The author proposesto re-consider the phenomenon of "alienation", which acquired the immaterial, subjectivist elements. It allows to speak of it as a symbol of the relationship, and not as a real mechanism. The study observed a balance between the traditional dialectics and methods of modern science of self-organization. The author embarks to the concept of "entropy of social processes", illustrates the scientific narrattion by various statistical examples. The novelty of the study consists in examination of the question of "alienation" in the context of science on self-organization. Then it can be interpreted as a deviation to the very critical state, in which the behavior of the economic system becomes unstable and under the influence of some random factors can radically change. In this sense, the dialectic prediction about the impact of "alienation" in the course of social history can not come true, if the system transforms into a state of chaos, and "alienation" itself will not become a mechanism, but only a symbol of a particular stage of historical development of the society.

Key words: self-organization, labor, social indifference, economic crisis, social philosophy, entropy, alienation, synergetics, creative economy, quality.

«Отчуждение» (англ.: «*alienation*»), этот узнаваемый критический концепт, так особенно прозвучавший в контексте политической экономии, давно вышел за её пределы. Мы знаем, что согласно К. Марксу «главная характеристика людей – это их способность к воплощению (опредмечиванию) и реализации самих себя в продукте их труда» [1, с. 840]. В различных социальных условиях (напр., диктат частной собственности) эта способность человеком утрачивается, что приводит

к различным формам «отчуждения труда». В XX в. понимание феномена «отчуждения» развили до уровня «отчуждение каждого, в отдельности, от самого себя» [2, с. 367]. Г. Маркузе, М. Эпштейн увидели «отчуждении» между «человеком и человечеством» вследствие «закона ускоренного производства информации» [3, с. 216]. Э. Фромм связал «отчуждение» с людьми-системами (менеджеры, служащие, посредники), которые стали жертвами манипуляций со стороны символов и вещей

[4, с. 412]. В литературе встречается множество уточняющих и качественных трактовок «отчуждения», чаще всего они подаются с точки зрения «гуманистического» (этического) подхода, т.е. как причина негативных процессов в современном обществе. Среди них тотальное политическое насилие, господство рационального мышления, вследствие чего исчезают самостоятельные личности, а появляются абстрактные «рабочие единицы». Гуманитарная (этическая) трактовка социально-философской роли «отчуждения», по мнению профессора Ш. Сайерса [5], является некорректной, так как сам К. Маркс оставался продолжателем гегелевской школы [6, с. 315]. Следует согласиться, что для самого автора концепция «отчуждение труда» интересна как часть диалектического механизма, который запускает механику преобразования общества, и способствует переходу от капиталистической к более совершенным формам общественного устройства. Без этого противоречия (неудобства) созревает ли оно внутри нас, или в обществе, не будет движения к созданию условий для «истинного присвоения человеческой сущности» [1, с. 843]. Однако сама эволюция осмысления феномена «отчуждения» указывает, что в нём присутствуют нематериальные, субъективистские элементы. Они дают возможность различным интерпретаторам трактовать «отчуждение» как символ отношений, а не как реальный механизм. Особенно интересным это становится в контексте науки о самоорганизации, которая предлагает нам рассматривать экономику как «живую систему» [7; 8, с. 18].

Непреодолимость и неизбежность экономических условий, в которых оказывается современный человек, отнюдь не способствуют социальному нонконформизму. Манипулятивно-рекламное давление на сознание превращает в формы протеста в акты публичной социальной девиации (напр., антиглобалисты). При этом «этика отчуждения», на которую обращали внимание последующие интерпретаторы Маркса, никуда не пропадает и начинает обретать новые формы «предельно допустимого» трансцендирования, одна из которых – это *социальное безразличие*. Таким образом, то самое противоречие, или неудобство, которое должно сыграть роль рычага, запускающего механизмы социальной эволюции, приводит к иным результатам. Мы можем наблюдать, что «дегуманизация капитала», которую Маркс обозначил как символ экономики, эволюционировала в абсолютную виртуализацию. Она завершила уже не символическую, а фактическую оторванность от человека.

Безразличие к труду, проявляется не толь-

ко в самих актах труда, но и в других формах экономической деятельности, охватив полноценно цикл «инвестиции-производство-потребление». Так, чистый бизнес сегодня – это такой бизнес, где предприниматель «не прикипает сердцем» к созданному хозяйству (завод, гостиничное дело, транспортная компания). Любое предприятие рассматривается под углом показателей – финансовой устойчивости, оборачиваемости, рентабельности, ликвидности. За этими показателями стоят числовые показатели бухгалтерских балансов и финансовых отчётов. Наука о разумном (рациональном) инвесторе предлагает опираться исключительно на результаты численной обработки документов, бизнес-планов, отчётов. Разговор о том, что ценно то, что вы кормите людей (ведёте ресторанный бизнес), или одеваете их (лёгкая промышленность) – может быть расценен как пустой, нерациональный, а потому – вредный. Любое инвестиционное решение рассматривается с точки зрения доходности и рисков (неопределённости) его получения. Сквозь эти показатели не просвечивает «личность»: здесь капитал обезличен, он окончательно оторвался от человека. Наиболее распространённой бизнес-моделью предпринимательства сегодня становится «доведение» предприятия до возможности продать его крупному инвестору, или превращения во франшизу. Более 40% мирового товарооборота в 2015 г. проходило через франчайзинговые сети, а в России уже насчитывается более 400 000 точек франчайзингового бизнеса [9]. Таким образом, штампование типовой бизнес-модели заработка денег уступает исполнению задуманной социально-экономической миссии. Отсюда безразличие становится формой дистанцирования от своего же продукта труда.

Капитал устремляется туда, где присутствует большая доходность (годовая доходность на вложенный капитал), и «останавливается», когда возникает неопределённость по поводу будущего. Если же прогнозируемой большей доходности нет, то он замирает в размазанном, хаотичном состоянии, рассеянный между инвестиционными институтами и частными фондами, предлагающими умеренную доходность. Такие периоды в экономике называются снижением деловой активности: инвесторы не реинвестируют с целью развития действующих предприятий, и тем более – в создание новых, так как обещанная доходность не превышает среднюю. В такой системе ресурсы ограничены, система замкнута, и имеется множество вариантов размещения капитала, и ни один из них не выглядит более выгодным (они – равновероятны). Если в системе существуют только такие предложения

для инвестирования, которые не превышают некий средний порог чувствительности инвесторов (после которого у них появляется желание рисковать), энтропия системы приближена к пределу (энтропия Больцмана). В этой умозрительной модели энтропия играет роль индикатора роста усреднённых (равно-доходных, равновесных) вариантов распределения капитала. Экономическая макросистема имеет больше вариантов состояться, если на микроуровне капитал перераспределён между равновероятными ячейками для инвестиций (вероятность того, что инвестор осуществит капитальные вложения в бизнес). Другими словами, энтропия фиксирует безразличие инвесторов к поиску новых объектов для своего интереса. Этическая индифферентность превращается в экономическое статус кво на разных уровнях. Возникает своеобразное «отчуждение капитала от самого себя», рождающее зеркальные этические ответы со стороны субъективного сознания участников экономического процесса.

В первом случае (кругооборот капитала) можно показать, что мы имеем дело с замкнутой системой с необратимыми внутренними процессами, которые приводят систему в состояние, схожее со сценарием «тепловой смерти». Капитал перестаёт переливаться и расти, как только возникает большая неопределённость по поводу будущих доходов от вложений. Таким образом, концентрация капитала в институтах является более вероятной, чем распределение в различных вариантах производства (предприятий), вследствие допущения о более вероятном поведении инвестора – избегать риска. Если рассуждать линейно, то можно сделать вывод, что вероятнее всего – распределение капитала между всеми возможными производствами и институтами, т.е. в экономической системе не должно наблюдаться недостатка денег. «В экономической жизни мы наблюдаем, что капитал покидает опасную производственную зону, связанную с большой неопределённостью, и уходит в зону средних финансовых доходностей, с наименьшим риском: к концу XX в. в мире накопилось 200 трлн. долл. долга частного и государственного секторов, что эквивалентно 286% мирового ВВП» [10, р. 5].

Таким образом, если энтропия и растёт, то мы наблюдаем не распределение капитала по производственным ячейкам (по аналогии с газом), а его концентрацию в средне-доходных институтах (инвестиционные банки, фонды, финансовые институты). Почему? Потому что энтропия Больцмана оперирует с пространственной вероятностью (возможные расположения молекул газа), а мы – исходя из психической склонности инвестора, т.е.

популярной антропоцентристской модели (рациональный инвестор). Таким образом, возникает глубинное столкновение на уровне гносеологии в экономических процессах. С одной стороны, мы по-прежнему видим человеческое стремление к бытийной самореализации, даже в рамках сугубо прагматических целей и намерений, что ведёт к изобретательности, предприимчивости, попыткам трансцендировать за существующие рамки социально-экономической ситуации. С другой стороны, мы наблюдаем вероятностные, математические закономерности в экономике, которая всё больше становится зависимой от навязанных ей алгоритмов, приходя, соответственно, в состояние глубинной антигуманности. Таким образом, в экономике воссоздаётся тройственная связь между вероятностью, хаосом и энтропией. Здесь хаос проявляется в безразличии инвестора по отношению к объекту инвестиций, вероятность объясняется психологической склонностью инвесторов делать один и тот же экономический выбор (бегство от рисков, желание накопить, сохранить и сберечь), а растущая энтропия иллюстрирует, каким образом капитал, со временем, концентрируется в глобальных корпорациях и финансовых институтах.

В современном обществе «отчуждение труда» приобретает самые разнообразные формы. Формальное отношение к работе, за которым скрывается «уменьшение качества», низкая производительность (острее всего – в социальных услугах) – это лишь один из примеров. В контексте идеологии экономизма, «отчуждение» может проявляться и в крайней неудовлетворённости даже той работой, которая нам подходит (в которой мы способны себя творчески реализовать), но ценностная установка идеологии экономизма заставляет нас убеждать самих себя в неправильности выбранного пути (нужно заниматься тем, за что хорошо платят). Плоды труда обесцениваются в эпоху перепроизводства, когда хорош не тот товар, который полезен, а тот – который хорошо продаётся. В свою очередь, всё, с чем мы имеем дело на финансовых рынках, это бесконечный передел созданного ранее общественного продукта. Огромное число профессионалов, людей, получивших специальное образование, занято в сфере постоянного передела частной собственности (прежде всего, занятых на финансовых рынках). Ценность труда бизнесменов, людей, вовлечённых в организацию экономических отношений, определяется в границах экономической матрицы сильно конкурентных отношений, а не с точки зрения нужности и ценности для хозяйственной жизни. Мы наблюдаем не просто «отчуждение» человека и плодов его труда,

а отрыв человека от самого процесса хозяйствования. Он превращён (или извращён) в виртуальную абстракцию, пространство символов: продаётся уже не дизайн, мода, продаются модели управления. Давление «виртуального экономического мира» на мир материального производства проявляется в снижении качества современного продукта. Этот процесс сегодня завершается отказом от материального качества как свойства товара, при этом, замечают специалисты, «категория качества расслаивается по секторам потребления» [11, с. 2]. Зачем товар, мода на который постоянно меняется. Материальная форма должна уступить место его нематериальной (порой, вымышленной) оболочке. В хозяйственной жизни сокращается пространство для творческой мысли, а научная мотивация сводится к исследованию стимулов и реакций (по аналогии с биологическими) как сотрудников, так и потребителей. Парадокс в том, что именно творческий свободный труд является негэнтропийным ресурсом в экономической системе. И этот труд «зажимается» в тисках экономической идеологии.

Если продолжать рассуждение в контексте науки о самоорганизации мы наблюдаем не только «самоотчуждение», а «рассеяние» человека, для которого безразличное (формальное) отношение к труду – это только психологическая матрица «отчуждения». Внутренний конфликт (противоречие) по поводу невозможности к «опредмечиванию» своего труда, сначала заменяется безразличием к трудовой деятельности (формальным отношением к делу сотрудника, рациональным расчётом инвестора, увлечённым управленческой игрой разума бизнесмена), которое, в свою очередь, уступает место рассеянию. Человеку трудно собрать себя вокруг центра, обрести устойчивость, гармоничность, или мысленное целомудрие, но не обязательно – вследствие внешних условий (социальное устройство), а вследствие «бегства от самого себя». Речь идёт не только о том, чтобы собрать себя в материальной, вещественной природе, и не только в контексте политической экономии, а не исказить себя самого в зеркале мира. Материальное производство, хоть и является необходимостью для непрерывной жизнедеятельности человека, но это лишь часть его хозяйственной жизни.

Следует заметить, что безразличие к результатам труда не обязательно является тем самым «отчуждением». В русской философской мысли эта позиция может быть выражена словами Льва Толстого: «Бог дал день, Бог дал силы. И день, и силы посвящены труду, и в нём самом награда. А для кого труд? Какие будут плоды труда? Эти соображения посторонние и ничтожные» [12,

с. 305]. Главный герой «Анны Карениной», Константин Лёвин, размышляет, почему развитие инструментов хозяйствования не может в русском народе вызвать перемену в хозяйстве, оно остаётся нерациональным из-за внутреннего сопротивления. Для народа труд – это и есть сама награда, он не стремится к труду более рациональному, потому что не в рациональности кроется смысл хозяйственной жизни, не в бесконечном экономическом росте, который является отправной точкой большинства современных экономических теорий. Даже европейская концепция «устойчивого развития», изначально задуманная как договорённость о «нулевом росте», с целью сохранения ресурсной природной базы, очень скоро превратилась в концепт о предельно допустимых границах экономического роста [13, с. 187]. Экономический рост как незыблемая аксиома, мерило множества государственных экономических решений, ментально не может быть преодолен в современном обществе, как непреодолимо его желание к непрерывному обогащению, пусть и с минимальной (безрисковой) годовой доходностью.

Когда мы выводим тему «отчуждения труда» за границы традиционных дефиниций, характерных для диалектического материализма, мы приходим именно к тому пониманию рассеяния человека, в котором, следуя науке о самоорганизации, ему предназначено либо обрести нового себя, либо – напротив, исчезнуть в хаосе собственной неосознанности, потери себя. В этом смысле диалектика как назревшее противоречие, как отклонение, достигшее «точки кипения» требует от человека совершить сверхусилие, «выход за пределы себя самого». Исход этого усилия не предопределён, как ожидается в теории поступательного развития (Гегель), а абсолютно неизвестен, теоретически непредсказуем, и бытие, в том числе экономическое бытие, предстаёт как процесс непрерывного становления. Диалектическое противоречие, будь то «отчуждение», или иная причина, может стать, или не стать тем самым «сверхчеловеческим усилием» (предпринимателей Нового света, пассионариев Н. Гумилева, проактивных В. Ленина и его соратников), которое может случиться, или не случиться. И эту волю может проявить человек через процесс собственного становления: потому что по закону природы – мы наблюдаем постоянное тяготение мира к хаосу (энтропия как «стрела времени»), и человек (не просто человек, а осознанный, причинно-свободный человек) может творчески преобразить этот хаос в новый порядок. Однако сказать наверняка мы не можем, поскольку мир творится каждое мгновение, и человек – тоже.

«Отчуждение» мы можем трактовать как отклонение до того самого критического состояния, в котором поведение экономической системы становится неустойчивым и под воздействием некоторых случайных факторов может радикально измениться. Это можно рассматривать как один из диалектических механизмов, но в более широкой и не только материальной, но и её метафизической трактовке. И устремление в хаос является как раз наиболее вероятным событием, которое не наступает, в том числе вследствие постоянного усложнения мира. Сложность экономических взаимоотношений неожиданно раскрывается перед нами в ещё одной форме человеческого творчества. Это можно трактовать как способ «ухода» от хаоса, непрерывную диалектику (как флуктуация, отклонение), которая становится стимулом к самоорганизации всей системы.

Как справедливо писал один из ярких представителей австрийской школы К. Менгер, «человек со своими потребностями и своей властью над средствами удовлетворения последних составляет исходный и конечный путь всяческого человеческого хозяйства» [14, с. 89]. Человек, способный трудиться в сфере, где его работа связана не с автоматизированным трудом, а с творчеством, сегодня является одним из самых востребованных на рынке труда: по данным международной компании Ernst & Young 29,5 млн. рабочих мест в мире создаётся именно в сфере культурной и креативной экономики [15, р. 3]. В цифровом хаосе экономической вселенной мы способны разглядеть человека, потерянного, да, но вырывающегося из хаоса за счёт обретения личной свободы. Эта свобода обретается между импульсом, который поступает извне, и нашей поведенческой реакцией. При этом следу-

ет уточнить, что человек должен быть не столько личностью, сколько индивидуальностью. Надежда на то, что «отчуждение» труда может стать механизмом преобразования экономики, угасает, вследствие неумолимых законов самоорганизации систем. Владимир Соловьёв справедливо заметил, что считать экономические законы какими-то особыми в человеческом обществе есть «вымысел плохой метафизики» [16, с. 20]. Сегодня «отчуждение труда» приобретает самые различные социально-культурные формы и трансформирует пространство экономических отношений. Можно открыть виртуальное «отчуждение»: преследование человеком созданной им самим (случайно, или намеренно) дискретной проекции своего «я» в информационном пространстве. Мы можем наблюдать «самоотчуждение» в медиа пространстве, в виде безразличного, формального отношения к работе, преднамеренное «отчуждение» результатов собственного труда ради сверхдоходов. В постмодернизме мы даже найдём «отчуждение» человека своему телу. Однако способно ли это стать причиной перехода в новую экономическую формацию? Или «отчуждение» является тенью хозяйственной жизни человечества. Рассуждая об «отчуждении труда», в гегелевской традиции, К. Маркс придерживался вектора материализма, сужая наше понимание до «производительного труда». С. Булгаков критиковал эту позицию, обращая внимание, что труд гораздо разнообразнее, поэтому его следует изучать «во всех его проявлениях, от чернорабочего до Канта, от пахаря до звездочёта» [17, с. 83]. В этом смысле и понимание экономики как науки расширяется от науки, изучающей отношения между людьми, к науке, изучающей отношения человека, занятого хозяйством, и природы.

Список литературы:

1. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. Т. 1 / Пер. с нем., фр., англ. М.: Эксмо, 2011. 1200 с.
2. Адорно Т. О технике и гуманизме // Философия техники в ФРГ. М., 1989. С. 364-371.
3. Эпштейн М. Информационный взрыв и травма постмодерна // Звезда. 1999. № 11. С. 216-227.
4. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 375-414.
5. Sayers S. Creative activity and alienation in Hegel and Marx // Historical Materialism. 2003. Т. 11. № 1. Р. 107-128.
6. Гуревич П.С. Гегелевская трактовка труда // Философия и культура. 2016. № 3. С. 315-319. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.3.1828.
7. Хакен Г. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М.: Мир, 1985. 424 с.
8. Орлова Э.А. Синергетические идеи в изучении социокультурной микродинамики // Культура и искусство. 2012. № 4. С. 18-31.
9. Зубарева И. Как под копирку // Российская газета. № 1028(49). URL: <http://rg.ru/2015/12/15/rinki.html> (дата обращения: 15.05.2016).
10. Debt and (not much) deleveraging. McKinsey Global Institute, February 2015. URL: <http://www.mckinsey.com/global-themes/employment-and-growth/debt-and-not-much-deleveraging>.
11. Глазунов А.В. Качество-это показатель уровня человеческих отношений в обществе // Методы менеджмента качества. 2013. № 11. С. 1-3.
12. Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. VII. М.: Просвещение, 1984. 494 с.

13. Шаталов-Давыдов Д.Ю. Возникновение концепции устойчивого развития: анализ экологического и политического дискурсов // Вестник нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2010. № 4(20). С. 187-194.
14. Автономов В.С. Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер. М.: Экономика, 1992. 492 с.
15. Cultural times: the first global map of cultural and creative industries. Ernst & Young Study, December 2015. 120 p. URL: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-cultural-times-2015/\\$FILE/ey-cultural-times-2015.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-cultural-times-2015/$FILE/ey-cultural-times-2015.pdf).
16. Соловьёв В.С. Оправдание добра: Нравственная философия. М.: Республика, 1996. 479 с.
17. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Институт Русской Цивилизации, 2009. 600 с.

References (transliterated):

1. Marks K. Kapital: kritika politicheskoi ekonomii. T. 1 / Per. s nem., fr., angl. M.: Eksmo, 2011. 1200 s.
2. Adorno T. O tekhnike i gumanizme // Filosofiya tekhniki v FRG. M., 1989. S. 364-371.
3. Epshtein M. Informatsionnyi vzryv i travma postmoderna // Zvezda. 1999. № 11. S. 216-227.
4. Fromm E. Dusha cheloveka. M.: Respublika, 1992. S. 375-414.
5. Sayers S. Creative activity and alienation in Hegel and Marx // Historical Materialism. 2003. T. 11. № 1. P. 107-128.
6. Gurevich P.S. Gegelevskaya traktovka truda // Filosofiya i kul'tura. 2016. № 3. S. 315-319. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.3.1828.
7. Khaken G. Sinergetika. Ierarkhii neustoichivostei v samoorganizuyushchikhsya sistemakh i ustroistvakh. M.: Mir, 1985. 424 s.
8. Orlova E.A. Sinergeticheskie idei v izuchenii sotsiokul'turnoi mikrodinamiki // Kul'tura i iskusstvo. 2012. № 4. S. 18-31.
9. Zubareva I. Kak pod kopirku // Rossiiskaya gazeta. № 1028(49). URL: <http://rg.ru/2015/12/15/rinki.html> (data obrashcheniya: 15.05.2016).
10. Debt and (not much) deleveraging. McKinsey Global Institute, February 2015. URL: <http://www.mckinsey.com/global-themes/employment-and-growth/debt-and-not-much-deleveraging>.
11. Glazunov A.V. Kachestvo-eto pokazatel' urovnya chelovecheskikh otnoshenii v obshchestve // Metody menedzhmenta kachestva. 2013. № 11. S. 1-3.
12. Tolstoi L.N. Sobr. soch.: v 12 t. T. VII. M.: Prosveshchenie, 1984. 494 s.
13. Shatalov-Davydov D.Yu. Vozniknovenie kontseptsii ustoichivogo razvitiya: analiz ekologicheskogo i politicheskogo diskursov // Vestnik nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki. 2010. № 4(20). S. 187-194.
14. Avtonomov V.S. Avstriiskaya shkola v politicheskoi ekonomii: K. Menger, E. Bem-Baverk, F. Vizer. M.: Ekonomika, 1992. 492 s.
15. Cultural times: the first global map of cultural and creative industries. Ernst & Young Study, December 2015. 120 p. URL: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-cultural-times-2015/\\$FILE/ey-cultural-times-2015.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-cultural-times-2015/$FILE/ey-cultural-times-2015.pdf).
16. Solov'ev V.S. Opravdanie dobra: Nrvstvennaya filosofiya. M.: Respublika, 1996. 479 s.
17. Bulgakov S.N. Filosofiya khozyaistva. M.: Institut Russkoi Tsivilizatsii, 2009. 600 s.